

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 8
volume 8**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1996**

Из наследия академика И. Ю. Крачковского

А. А. Долинина

(Санкт-Петербургский Государственный университет)

Имя академика И. Ю. Крачковского (1883–1951), одного из крупнейших востоковедов XX в., настолько известно в мировой гуманитарной науке, что вряд ли нуждается в особом представлении, а тех, кто хочет подробнее ознакомиться с его биографией, можно отослать теперь к книге А. А. Долининой «Невольник долга», изданной Центром «Петербургское Востоковедение» в 1994 г.

В процессе изучения материалов для этой книги я познакомилась с целым рядом до сих пор не публиковавшихся по разным причинам работ И. Ю. Крачковского, хранящихся, среди прочих документов, в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук (фонд 1026). Одна из них — автобиографическое эссе «Испытание временем» (1948) — ныне предлагается читателям. Сам автор обозначил жанр его как «этюд из области самоанализа ученого» и, несомненно, придавал ему очень большое значение: это было и исповедью, и исповеданием веры, дающим опору в трудные минуты, — недаром он перечитывал его во время пресловутой «антикосмополитической кампании» 1949 г., которая отозвалась и на нем.

Это очень искренний документ, в котором И. Ю. Крачковский пробует подвести итог своей шестидесятипятилетней жизни. Не для публики. Для самого себя («Ты сам свой высший суд») — и, быть может, для будущего. При жизни автора «Испытание временем» было знакомо лишь узкому кругу близких людей; совершенно ясно, что, при всей своей композиционной и стилистической отделанности, на публикацию тогда оно рассчитано не было — столь неожиданным было его содержание.

Если взять чисто внешнюю канву жизни И. Ю. Крачковского, покажется, что все у него складывалось вполне удачно. Его продвижение по служебной лестнице шло на редкость гладко: получив степень магистра арабской словесности в 32 года, в 38 он уже профессор, через три месяца становится действительным членом Академии наук, в 39 лет избран академиком-секретарем Отделения гуманитарных наук, в 43 года — член правления Академии, дважды награжден орденом Ленина; в его послужном списке нет зловещих перерывов в датах, даже несмотря на то, что имя его фигурировало в протоколах «Академического дела» 1929–1931 гг.* Кажется бы, процветающий академик... Да не говоря уж о «карьерных» успехах, сколько он успел сделать в науке, сколько на его долю выпало больших и малых открытий, сколько радостей они принесли — не об этом ли повествует он в своей знаменитой книге «Над арабскими рукописями»? И все же... Все же, несмотря на «положительные объективные результаты», несмотря на то, что «сделано нужное в свое время и балласта в этом почти не было», несмотря на все — «не удалась жизнь, не удалась!».

* В частности, он был упомянут С. Ф. Платоновым как кандидат на пост министра труда в «конституционно-монархическом» правительстве (Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. С. 40. Протокол допроса от 24.I. 1930 г.).

Недовольство собой — не поза: И. Ю. Крачковский беспощаден к себе, он ищет прежде всего субъективные причины своих неудач: «отсутствие властности, нужное для настоящего руководителя», которое помешало создать школу; общая разбросанность — «внутренняя предрасположенность к многообразию тем»; «скорее аналитический, чем синтетический склад научного темперамента», из-за чего у него сравнительно мало крупных работ.

Это правда — не было у него стремления к теоретизированию, широким обобщениям, глобальным построениям без достаточной конкретной базы, для него факт — основа всех обобщений, которые он порой предоставляет завершить читателю. Зато этот факт всегда достоверен и возможности его использования исчерпаны вполне. Отсюда и обилие статей на какие-то мелкие темы: на самом деле они часто вырастали как раз из стремления исчерпать тот или иной побочный (для главной в данный момент темы) материал до конца, как он сам показывает это на примере первой своей литературоведческой работы о поэте Абу-л-Атахия, а таких примеров немало.

Несомненно, эти «пограничные» экскурсы, не говоря уже о тщательной редакции чужих работ и об откликах на разнообразные запросы со стороны, задерживали продвижение крупных тем, но было немало и объективных причин, которые наложили на всю научную работу И. Ю. Крачковского неизгладимый отпечаток. Именно прежде всего по объективным причинам ни в одном из основных своих научных направлений ему не удалось реализовать себя до конца: христианско-арабская тематика с 20-х годов была закрыта полностью, исследование классической поэзии и поэтики тормозилось невозможностью осуществлять у нас полноценные публикации арабских текстов, для изучения новоарабской литературы в условиях «железного занавеса» катастрофически не хватало материалов, в истории востоковедения оказывалось слишком много одиозных с правительственной точки зрения имен.

А сколько сил ушло на постоянную, часто безрезультатную борьбу, которую ему, бескомпромиссному поборнику научной истины и нравственности, постоянно приходилось вести! В облике всеми почитаемого, внешне сдержанного, корректного во всех своих действиях академика жил страстный борец, как ни противоречило это его деликатной и мягкой натуре. Он выступал против путаницы и неразберихи в университетских и академических организациях, против конъюнктурщины, различных перегибов, против искажения исторической правды; он ратовал за создание рабочей и научной атмосферы, за соблюдение научной этики по отношению к нему и его коллегам, защищал своих сотрудников и учеников, подвергавшихся преследованиям.

Да и в отсутствии школы И. Ю. Крачковскому не стоило винить одного себя: достаточно вспомнить печальные судьбы и раннюю смерть большинства его учеников, не говоря уж о сужении возможностей пополнения арабистических кадров в результате все той же правительственной политики.

Так исповедь ученого, его «суд» над собой волей-неволей превращается на наших глазах в обвинение тому режиму, при котором прошла вторая половина его жизни. Этот режим методично душил подлинную науку, то открыто, то исподволь, так, что многие, усваивая принятые у нас «правила игры», до конца не отдавали себе отчета в том, что происходит. Обвинением становится судьба ученого, которая по всем параметрам того времени должна была считаться вполне благополучной. Да и правду сказать — ведь не посадили, не выслали, не сгноили в лагере, должностей и званий не лишали, труды, пусть не все, но печатали же! А что шельмовали, смешивали с грязью, палки в колеса ставили, что крылья были подрезаны и воздуха не хватало — эка невидаль! У многих так...

Сам И. Ю. Крачковский говорит об этом лаконично и сдержанно: «при всяком строе не всегда легко добиться правды», а дальше высказывает «мысль о больших ненормальностях в нашей прессе и в нашем строе». Последняя фраза, несомненно, могла бы стоить ему жизни, попади она на глаза услужливому «патриоту», но этого он не боялся, считая, очевидно, что жизнь все равно проиграна и осталось от нее уже немного. Опорой ему были ничем не замутненный голос собственной совести и здравая оценка объективной значимости того, что ему все-таки удалось сделать в науке.

В одном он был неправ — опасаясь полной победы «мастеров шулерского жонглирования» расхожими лозунгами и провокационными вопросами: «подтасовкой и софизмами эти люди могли вызвать недоумение у того, кто был мне дорог, однако не знал всего, что я знал, что не всегда мог сказать публично». Ход событий показал, что ни один из тех, кто был И. Ю. Крачковскому дорог, на провокацию не поддавался, таков был моральный авторитет учителя.

К счастью, еще одно опасение И. Ю. Крачковского не оправдалось — на счет судьбы его научного наследия, которое «некому передать»; ему представлялось, что оно «в лучшем случае ляжет сырой грудой навечно в архив». Годы, прошедшие после его кончины, опровергли этот мрачный прогноз: изданы и «История арабской географической литературы», и исследование поэтики Ибн ал-Му'тазза, и Коран с комментариями, и некоторые переводы арабских писателей XX века, и еще ряд отдельных статей, не говоря уж о переиздании многих работ в шеститомном собрании «Избранных сочинений». Меньше всего повезло христианско-арабской тематике: изданное когда-то — почти забыто, неизданное не вышло пока за пределы архива; полагаю, теперь настало время и для нее.

Крачковский писал, что он почти уверен в печальном будущем своих трудов. Почти... значит, надежда все-таки теплилась? И, слава Богу, не обманула. Жизнь подтвердила, что подлинная наука бессмертна.

Испытание временем Мысли к 45-летию научной работы

Довольно... довольно... довольно!

Тургенев

I

Занимаясь историей науки, постепенно приучаешься смотреть и на себя самого как бы со стороны, если не *sub specie aeternitatis**, то, во всяком случае, *sub specie historiae*** . Однако достичь в этом действительно исторического подхода далеко не так легко: соблазнительно сделать себя центром всего построения и показать, что твоя

* С точки зрения вечности (лат.).

** С точки зрения истории (лат.).